

финноязычной культуры Карелии. Росло число школ, где преподавался финский язык и количество учащихся в них: максимальный показатель был достигнут в 1995/96 учебном году, когда в 103 школах республики финский изучали 13422 ученика⁴⁸. В 1993 году на базе отделения финского языка и литературы в Петрозаводском университете был открыт факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры. Несколько раз принимались различные целевые программы («Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов РК», «Финно-угорская школа РК» и др.), в 2004 году принят республиканский закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» и разработана программа этой поддержки на 2006–2010 годы⁴⁹.

Однако, создания нормативно-правовой базы, как и усилий по расширению преподавания финского языка, вовсе недостаточно для обеспечения сохранения российскими финнами своего этнокультурного и этноязыкового своеобразия. Да, в современной России Карелия остается единственным регионом, где финский язык используется в средствах массовой информации, в том числе электронных, в театральных постановках, в книгоиздании, его изучают в ряде школ и вузах. Но это уже скорее агония, сохранность и жизнеспособность финноязычной культуры в России при постоянном уменьшении финского населения (и за счет эмиграции, и в результате аккультурации) вызывает серьезные сомнения.

А. И. Бутвило

«КРАСНЫЕ ФИННЫ» В СОСТАВЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Трудно переоценить роль этнического фактора в истории нашей страны. Именно он в значительной степени спровоцировал и усугубил оба системных кризиса российской государственности

⁴⁸ Клементьев Е. И. Языковое право и практика (Доклад на Ученом Совете ИЯЛИ РАН 27.02.2006) // <http://indigenous.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=187> (приложение 1).

⁴⁹ См.: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=668>

в XX веке. Первый из этих кризисов завершился крушением Российской империи, а второй – распадом СССР. Кстати говоря, не стоит спешить с выводами о завершенности второго кризиса. Российско-грузинская война 2008 года служит ярким подтверждением преждевременности таких выводов.

Помимо первостепенной роли национального фактора в развитии обоих кризисов их объединяет ещё и то, что и в начале, и в конце XX века политическая элита страны с большим запозданием осознавала значение данного фактора, когда сами кризисы уже достигали своего апогея, лишая элиту возможности предпринять сколько-нибудь эффективные действия, не говоря уже о вдумчивом анализе ситуации. В начале века такое запоздание обуславливалось общей задержкой процесса формирования наций в рамках Российской империи. К началу революции 1917 года этот процесс находился в начальной стадии своего развития. Не сформировавшиеся толком нации не смогли и не успели выдвинуть из своей среды национальную элиту, способную внятно сформулировать суть национального вопроса. Во второй половине XX века на протяжении нескольких десятилетий советская правящая элита так активно уверяла народ в том, что национальный вопрос в СССР решен полностью и окончательно, что и сама в конце-концов в это поверила. И когда в годы перестройки национальный вопрос даже не актуализировался, а буквально взорвался, к этому оказались не готовы ни морально, ни интеллектуально, ни политически, ни организационно.

Но вернемся к первому кризису. Пришедшие к власти большевики смотрели на мир не с национальной, а с интернациональной точки зрения. Главной своей задачей они считали борьбу за победу мировой революции, осуществляемой пролетариатом, не имеющим, по их мнению, отечества. Обсуждение вопросов национальной политики в большевистской среде носило вторичный характер. К этой проблематике обращались вынужденно, только потому, что приходилось действовать в мелкобуржуазной и этнически гетерогенной стране, население которой в силу этих обстоятельств являлось благодатной средой для националистических предрассудков, цинично культивируемых в своих интересах эксплуататорскими классами.

Но реальное развитие событий после октября 1917 года пошло совершенно по другому пути. Мировая революция не началась. Всё более реальной становилась перспектива существования в рамках одного, пусть даже и очень крупного, но при этом экономически неразвитого государства. Это требовало более серьёзного отношения в том числе и к казавшемуся ранее второстепенным национальному вопросу.

В большевистской элите постепенно сформировались две группировки, которые условно можно назвать революционно-романтической и государственнической («имперской»). Лидером первой являлся В. И. Ленин, считавший мировую революцию вполне актуальной задачей. Вторую группировку возглавлял И. В. Сталин, вполне допускавший, что период ожидания мировой революции может оказаться достаточно долгим, и всё это время придется существовать в условиях враждебного капиталистического окружения с вполне реальной перспективой войны.

Именно в этом кроется суть конфликта между И. В. Сталиным и В. И. Лениным в период образования СССР по вопросу о так называемой «автономизации». Ленин искал форму государственного устройства для той ситуации, которая сложится после победы мировой революции, когда самым разным народам придётся объединиться в целях успешного коммунистического строительства. Такая форма должна быть привлекательной для них. Сталина, напротив, волновало государственное строительство в период до этой победы, до которой ещё нужно было продержаться, что требовало построения мощного государства с жёсткой «вертикалью власти» и развитой военной промышленностью.

Таков был контекст возникновения и недолгого существования Карельской Трудовой Коммуны. Только с его учётом можно более глубоко понять суть конфликтов, непрерывно раздиравших элиту КТК на протяжении её короткой истории. Да и сама эта элита служит ярким примером того, как неожиданно мощно проявился национальный компонент в политике большевиков, неожиданно прежде всего для них самих.

Под элитой в науке понимается внутренне сплоченная социальная общность, являющаяся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающая для этого необходимыми ре-

сурсами⁵⁰. Внутри этой общности выделяются субэлиты, в т. ч. и региональные, каковой, в частности, являлась партийно-государственная элита КТК.

Одной из сложностей, возникающих при определении персонального состава элиты, является то обстоятельство, что зачастую одних формальных признаков оказывается недостаточно. История знает много примеров того, как лица, занимавшие высшие государственные посты, реальной власти не имели (напр., М. И. Калинин) и, напротив, формально частные лица оказывали мощное влияние на процесс принятия важнейших решений (Г. Е. Распутин, Р. А. Абрамович и т. п.). Но в случае с КТК формальный подход оказывается вполне достаточным. Во-первых, источники не позволяют предположить, что в процессе принятия решений могли участвовать лица, не занимавшие каких-либо партийных или государственных постов. Во-вторых, крайне немногочисленный состав коллегиальных органов (Карельский областной комитет РКП(б), Карельский областной исполнительный комитет и т. д.) приводил к тому, что «свадебных генералов» в них практически не было.

Таким образом, представляющийся в данном конкретном случае необходимым и достаточным формальный подход позволяет включить в состав партийно-государственной элиты КТК членов следующих органов: Олонецкого губернского комитета РКП(б) («обслуживал» территорию КТК с момента её создания и до сентября 1920 года), Карельско-Олонецкого объединенного комитета РКП(б) (сентябрь 1920 – сентябрь 1921 годов), Карельского областного комитета РКП(б) (с сентября 1921 года), Карельского революционного комитета (июнь 1920 – февраль 1921 годов), Карельского областного исполнительного комитета (с февраля 1921 года). Заведующие отделами партийного комитета и Карисполкома, как правило, входили в состав вышеназванных органов, но были и исключения, которые также следует учесть.

В результате мы получаем список, включающий 133 человека. «Среднестатистический» член карельской элиты при этом представляет из себя 32-летнего русского мужчину крестьянского происхождения, с низшим образованием, малообеспеченного, с партийным

⁵⁰ *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. М., 2006. С. 10.

стажем в 2-3 года, полным отсутствием мало-мальской политической подготовки, зараженного туберкулёзом и, как правило, не вполне трезвого. С вероятностью в 30% он будет расстрелян в 30-е годы.

Что же касается финской составляющей этой элиты, то она может быть названа персонально: 1) Юхо-Оскар Арьянне, секретарь Карельского областного исполнительного комитета⁵¹; 2) Артур Валден, сотрудник КарЧК, затем председатель Ухтинского райисполкома; 3) Эдвард Гюллинг, председатель Карревкома и Карисполкома; 4) Юхо Кому, заведующий Финской секцией (отделом) Карельского обкома партии; 5) Андрей Маркконен, секретарь Ухтинского райкома РКП(б); 6) Михаил Мордвинов, член Главного суда КТК; 7) Якко Мяки, член Карревкома, заведующий Отделом Карелии и Мурманского обкома партии; 8) Александр Нуортева, заведующий Карельским отделом народного образования и Агитационно-пропагандистским отделом обкома РКП(б); 9) Яков Рахъя, заведующий Финским подотделом Карельского отдела народного образования; 10) Герман Саксман, председатель Совета народного хозяйства КТК; 11) Эро Хаппалайнен, сотрудник аппаратов Карсовнархоза и Карисполкома; 12) Иоганн Ярвисало, секретарь Кемского уездного и Карельского областного комитетов партии; 13) Хильма Ярвисало, заведующая Отделом по работе среди женщин обкома партии; 14) Валентин Руоколайнен⁵².

Не трудно подсчитать, что финны составляли около 10% от всего состава партийно-государственной элиты Коммуны, что соответствовало их доле в составе партийной организации КТК, но, напротив, существенно превосходило долю в составе всего населения. Ни один из них не являлся местным уроженцем и не проживал в регионе до 1920 г.

По поводу национального состава организации можно привести следующие данные: на 1 октября 1920 года она включала 1410 русских, 231 карела, 95 финнов, 14 латышей, 12 украинцев, 10 поляков, 5 белоруссов, 4 евреев и 19 представителей других национальностей⁵³. В данном случае речь идет об объединенной Карельско-Олонечкой организации РКП(б).

⁵¹ Здесь и далее указывается основное место работы.

⁵² Сведений нет.

⁵³ НА РК, Ф. П-7, оп. 1, д. 19, л. 60.

На 1 июля 1922 года национальный состав теперь уже самостоятельной Карельской областной партийной организации выглядел следующим образом: 569 русских, 150 карелов, 109 финнов, 45 латышей, 7 немцев, 7 евреев, 6 поляков и 2 шведа⁵⁴. При уменьшении общего численного состава в связи с разделением олонекской и карельской парторганизаций число финнов не только выросло абсолютно и относительно, но и превысило долю карелов.

И, наконец, данные на 1 июня 1923 года: русских – 708, финнов – 218, карелов – 175, латышей – 10, эстонцев – 8, поляков – 7, евреев – 6, шведов – 3, итальянец и китаец⁵⁵. Обратим внимание на то, что при общем численном росте парторганизации число финнов росло быстрее всего, практически удвоившись за год. Справедливости ради следует отметить, что карелы проживали преимущественно в сельской местности, где возникало одно серьёзное препятствие для наращивания численности парторганизаций – катастрофически не хватало большевиков, имевших право давать рекомендации для вступления в РКП(б), о чем Карельский обком неоднократно информировал Москву и Петроград.

Для полноты картины приведём те данные о национальном составе населения КТК в целом, которыми в июне 1923 года руководствовались в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, решая вопрос о преобразовании КТК в АКССР: всего – 207 тыс. чел., в т. ч. 115 тыс. русских, 86 тыс. карелов, 2 тыс. финнов⁵⁶. Иначе говоря, каждый десятый финн, проживавший в КТК, являлся членом партии (у русских 1 партийный приходился на 162 человека, у карелов – на 491).

От упоминавшегося выше «среднестатистического» представителя карельской элиты финны отличались двумя существенными особенностями. Во-первых, у них был значительно более высокий уровень образования. Около 40% из них имели высшее образование (в целом по элите – 1%). Э. Гюллинг при этом имел степень доктора философии. Еще 30% получили среднее образование

⁵⁴ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 48, л. 18.

⁵⁵ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 219, л. 32.

⁵⁶ ГА РФ, Ф. Р-1318, оп. 1, д. 62, л. 27.

(в целом по элите – 10–15%), 30% – начальное. Можно предположить, что общий уровень среднего и начального образования на территории Великого княжества Финляндского был выше, чем в Олонецкой и Архангельской губерниях.

Во-вторых, финны к моменту инкорпорации в карельскую элиту имели определенный опыт государственной и партийной работы. Э. Гюллинг, Ю. Кому, Я. Мяки и А. Нуортева являлись депутатами Сейма Финляндии. А. Нуортева заведовал отделом Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. Ю. Арьянне работал в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Многие из финнов являлись активными деятелями Центрального бюро финских организаций при ЦК РКП(б).

Указанные особенности позволили финнам с первых дней своего появления в Петрозаводске активно включиться в местную политическую жизнь, но было бы некоторым преувеличением говорить о том, что они с самого начала захватили все «командные высоты». Уже сам перечень тех должностей, которые они занимали, требует осторожного подхода к оценке их влияния. Да и изучение источников позволяет сделать вывод о том, что до середины 1922 г. «красные финны» сталкивались с очень серьёзным сопротивлением со стороны того крыла местной элиты, которое известно в историографии как «русско-карельская оппозиция».

Борьба, притом борьба принципиальная, велась по многим вопросам. Можно вспомнить наиболее важные из них: определение территории КТК и её разграничение с Олонецкой губернии, борьба за Петрозаводск как административный центр губернии и КТК, разделение карельского и олонецкого партийного и государственного аппаратов, политика в области народного образования, вопрос о подчиненности финских партийных организаций Карельско-Олонецкому объединенному комитету РКП(б) и т. д.

Стороны обменивались довольно чувствительными ударами. Э. Гюллинг дважды получал выговор по партийной линии. На 1-й Карельской областной партийной организации его провалили при выборах нового состава обкома РКП(б) и понадобилось вмешательство Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) для того, чтобы пред-

седателя Карисполкома всё же кооптировали в состав обкома⁵⁷. Оппонентам тоже доставалось. Достаточно вспомнить постановление Президиума ВЦИК об отдаче под трибунал президиума Олонецкого губисполкома в полном составе за упорное сопротивление попыткам руководителей КТК выселить губернские учреждения в Лодейное Поле. Особого накала борьба достигла при обсуждении вопроса о бюджете КОНО на 1922 год. «Русско-карельская» оппозиция категорически выступила против выделения 2/3 бюджета на финансирование финских школ, составлявших менее 1/3 от общего количества, при том, что и равномерное распределение средств едва-едва обеспечило бы их существование. С обеих сторон зазвучали политические обвинения. И те, и другие уличали оппонентов в непонимании политики партии.

Когда возникла угроза выхода ситуации из-под контроля, последовало вмешательство Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) и самого ЦК. Прибывший в Петрозаводск секретарь Севзапбюро Б. П. Позерн доходчиво разъяснил политику партии в национальном вопросе и пресёк дальнейшие дискуссии угрозами принять самые жёсткие меры. Лидера оппозиционеров В. М. Куджиева отозвали из Петрозаводска. Его наиболее видный сторонник И. А. Данилов предпочел прекратить препирательства с финнами. Но победа «красных финнов» была временной. И. В. Сталин, лично отозвавший Куджиева из Карелии, исходил из тактических представлений о роли КТК в противостоянии с Финляндией. Стратегически добивавшаяся максимально широкой автономии КТК – АКССР никак не отвечала сталинским представлениям о правильном устройстве государства.

Думается, что лучше всего о реальной позиции Сталина говорит то, что В. М. Куджиев и И. А. Данилов умерли в своих постелях соответственно в 1976 и 1953 годах, а их оппоненты Э. Гюллинг и Я. Мяки были расстреляны. Последний, кстати говоря, был самым жёстким и непримиримым политиком среди «красных финнов». Для полноты картины можно напомнить и тот факт, что из семи членов Карельского революционного ко-

⁵⁷ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 50, л. 35.

митета были расстреляны четверо: Э. Гюллинг, Я. Мяки, В. Гурьев, Ф. Поттоев. И. А. Никитина в 1925 году осудили за совершение уголовного преступления и дальнейшая судьба его неизвестна.

Между самими «красными финнами» также не всё было гладко. Секретарь Карельского обкома РКП(б) И. Ярвисало периодически выражал недовольство упорным нежеланием Э. Гюллинга согласовывать свои действия с ним. Так, 15 июня 1922 года он, выступая на пленуме обкома, указал «на ненормальное явление, что исполком действует во многих вопросах без санкции областкома». Для исправления ситуации пленум предложил ввести И. Ярвисало в состав президиума Карисполкома⁵⁸.

Обвинения Э. Гюллинга в национализме также раздавались отнюдь не только с «русско-карельской стороны». Финский историк М. Кангаспуру пишет, например, о том, что член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), представитель Компартии Финляндии А. Тайми обвинял председателя Карисполкома в принадлежности к сторонникам создания «Великой Финляндии», в стремлении добиться полной независимости КТК от России и дезинформировании И. В. Сталина⁵⁹.

Подводя итог, можно сказать, что «красные финны» сыграли безусловно яркую роль в истории Карелии. Их стремление превратить регион в развитый край, своим примером показывающий угнетённому пролетариату Северной Европы преимущества социализма, объективно отвечало интересам местного населения. Другое дело, что они не смогли решить ни свою главную стратегическую задачу – сдетонировать революционную ситуацию в Скандинавии, ни тактические. По крайней мере к концу своего существования КТК переживала тяжелейший социально-экономический кризис. Судьба «красных финнов» – еще один исторический урок тем, кто ради утопических политических целей готов не жалеть ни себя, ни других.

⁵⁸ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 50, л. 40.

⁵⁹ *Кангаспуру М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1998. С. 126.